

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР
ПЕРВЫЙ РЯД

ДЖОНАТАН
САФРАН
ФОРЕР

ВОТ Я

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф74

Jonathan Safran Foer
HERE I AM

Copyright © 2016 by Jonathan Safran Foer
All rights reserved.

Перевод с английского *Н. Мезина*

Оформление серии и переплета: Александр Кудрявцев,
студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Президентская речь из главы «Ничто не вне политики» — переработка речи, произнесенной президентом Обамой в 2010 г. после землетрясения на Гаити. Стихотворные строки, процитированные в Части VII, взяты из стихотворений Франца Райта «Год первый» и «Прогресс».

Подкасты, которые слушает Джейкоб, вдохновлены радиопрограммами Radiolab, Invisibilia, 99% Invisible, и Hardcore History Дэна Карлина.

Эта книга — художественное произведение. Имена, персонажи, названия организаций и ситуации вымышлены автором и служат элементами сюжета. Любые совпадения с реальными событиями и существующими в действительности местами, организациями и людьми, ныне живущими или покойными, полностью случайны.

Фоер, Джонатан Сафран.

Ф74 Вот я / Джонатан Сафран Фоер ; [пер. с англ. Н. В. Мезина]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 608 с. — (Интеллектуальный бестселлер. Первый ряд).

Новый роман Фоера ждали более десяти лет. «Вот я» — масштабное эпическое повествование, книга, явно претендующая на звание большого американского романа. Российский читатель обязательно вспомнит всем известную цитату из «Анны Карениной» — «каждая семья несчастлива по-своему». Для героев романа «Вот я», Джейкоба и Джулии, полжизни проживших в браке и родивших трех сыновей, разлад воспринимается не просто как несчастье — как конец света. Частная трагедия усугубляется трагедией глобальной — сильное землетрясение на Ближнем Востоке ведет к нарастанию военного конфликта. Рвется связь времен и связь между людьми — одиночество ощущается с доселе невиданной остротой, каждый оказывается наедине со своими страхами.

Отныне героям придется посмотреть на свою жизнь по-новому и увидеть зазор — между жизнью желаемой и жизнью проживаемой.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Мезин Н., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-089217-4

*Эрику Чински,
который смотрит сквозь меня,
и Николь Аражи,
которая видит меня насквозь*

Оглавление

I. ДО ВОЙНЫ.....	9
II. ПОСТИЖЕНИЕ БРЕННОСТИ.....	145
III. ПРИМЕНЕНИЯ ЕВРЕЙСКОГО КУЛАКА.....	209
IV. ПЯТНАДЦАТЬ ДНЕЙ ИЗ ПЯТИ ТЫСЯЧ ЛЕТ.....	297
V. ОТСУТСТВИЕ ВЫБОРА — ЭТО ТОЖЕ ВЫБОР.....	311
VI. РАЗРУШЕНИЕ ИЗРАИЛЯ.....	459
VII. БИБЛИЯ.....	501
VIII. ДОМ.....	567

I

До войны

Назад к счастью

Когда началось разрушение Израиля, Исаак Блох выбирал между самоубийством и переездом в Еврейский дом. Он жил в квартире с книжными стеллажами до потолка и коврами, в ворсе которых могли без следа утонуть игральные кости; затем в квартирке-полупортке с грязным полом; в лесных хохромах под равнодушными звездами; в погребке у христианина, для которого через три четверти века на другом конце света выросло дерево, увековечившее его праведность; а затем жил в норе, причем столько дней, что колени у него потом так и не разогнулись до конца; жил среди цыган, партизан и почти благочинных поляков; в лагерях для беженцев, мигрантов и перемещенных лиц; на корабле, где имелась бутылка с кораблем, который один страдавший бессонницей агностик чудесным образом внутри нее построил; на другом берегу океана, которого так и не переплыл до конца; над полудюжиной бакалейных лавок, на устройстве и продаже которых за малую цену гробил здоровье; рядом с женщиной, что без конца перепроверяла замки, пока не изломала их все, и умерла, состарившись, в сорок два без единого звука благодарности, но с клетками убитой матери, все еще делившимися в ее мозгу; и наконец, последние четверть столетия в тихом, заметном снегом домике в Сильвер-Спринг: десятифунтовый Роман Вишняк, выцветающий на кофейном столике; «Враги. История любви» — кассета, размагничивающаяся в последнем исправном видеомэгнитофоне планеты; яичный салат, становящийся птичьим гриппом в холодильнике, залепленном, как мумия, фотографиями чудесных, гениальных, не страдающих от опухолей правнуков.

Немецкие садоводы подрезали семейное дерево Исаака до самой галисийской почвы. Но интуиция и удача без всякой помощи сверху помогли ему укорениться на тротуарах города Вашингтона, округ Колумбия, и увидеть, как дерево снова вытянется и раскинет ветви. И если Америка не обернется против евреев — пока не обернется, поправил бы его сын Ирв, — это дерево будет ветвиться и будет давать отростки. К тому времени Исаак, разумеется, опять будет в норе. И пусть он так и не разогнет колен, и пусть никто не знает точно, сколько ему лет и насколько приблизились неведомые новые унижения, пришла пора разжать свои еврейские кулаки и признать начало конца. Признание от принятия отличает депрессия.

Даже не говоря о гибели Израиля, момент был вовсе неудачный: какие-то недели до бар-мицвы его старшего правнука, что Исаак считал чем-то вроде финишной линии собственной жизни с тех пор, как пересек предыдущую финишную линию — рождение младшего правнука. Но не ведаешь, когда старая еврейская душа освободит твоё тело, а тело освободит лакомую однушку для следующего тела из списка очередников. Но годы не поторопишь и не удержишь. Опять же, покупка дюжины невозвратных авиабилетов, бронирование целого крыла в вашингтонском «Хилтоне» и внесение двадцати трех тысяч долларов депозита на бар-мицву, вписанную в календарь, еще когда шли последние Олимпийские игры, не гарантируют, что все это произойдет.

По коридорам «Адас Исраэль» протопал табун пацанов, смеющихся, пихающихся; их кровь так и носилась от формирующихся мозгов к формирующимся гениталиям, а потом обратно, в антогонистической игре полового созревания.

— Ну серьезно, — сказал один, теряя «З», зацепившееся за брекеты, — с минетом одно только хорошо, что заодно подрочат тебе не всухую.

— Аминь.

— А иначе ты просто пихаешь в стакан воды с зубами.

— Что бессмысленно, — согласился рыжий паренек, у которого мурашки бежали от одной мысли об эпилоге «Гарри Поттера и Даров Смерти».

— Нигилистично.

Если бы Бог был и судил, Он простил бы этим шалопаем все, зная, что их обуревают стихии, и внешние, и внутренние, ведь и они по Его подобию.

Мальчишки примолкли, замедлив ход у питьевого фонтанчика, чтобы попялиться на Марго Вассерман. Говорили, что ее родители паркуют две тачки рядом со своим гаражом на три места, поскольку всего машин у них пять. Говорили, что ее карликовому шпицу не отрезали яйца и они здоровые, как дыньки.

— *Черт*, хотел бы я быть этим фонтанчиком, — сказал малый с еврейским именем Перец-Ицхак.

— А я бы лоскутком, который вырезали из ее трусов с окошком.

— А я бы хотел накачать член ртутью.

Пауза.

— Это че еще за херня?

— Ну, — пояснил Марти Коэн-Розенбаум, урожденный Хаим бен Кальман, — типа... чтобы он стал как градусник.

— Суши его подкормишь?

— Да просто накачать бы. Да хоть как. Чуваки, вы же поняли зачем.

Четыре синхронных кивка, как у зрителей в настольном теннисе.

Шепотом:

— *Засунуть ей в задницу.*

Остальным повезло иметь матерей из двадцать первого века, которые знали, что температуру можно измерить электронным градусником в ухе. А Хаиму повезло, что внимание его товарищей что-то отвлекло и они не успели припечатать его прозвищем, от которого он нипочем бы не избавился.

Сэм сидел на скамье у кабинета рава Зингера, голова опущена, взгляд на раскрытые ладони, сложенные на коленях, как у монаха, изготовившегося идти на костер. Мальчишки остановились, и их отвращение к себе обратилось на него.

— Мы слышали, что ты написал, — начал один, ткнув в Сэма пальцем. — Это уже не шуточки.

— Поднасрал, брат.

Выходило странно, потому что обычно непомерное потоотделение у Сэма начиналось не раньше, чем угроза минует.

«Я это не писал, и я тебе не... — кавычки пальцами, — *брат*».

Он мог бы так сказать, но не стал. И мог бы объяснить, почему все было не так, как все думают. Но не стал. Вместо этого просто стерпел, как всегда поступал в жизни по херовую сторону экрана.

По другую сторону двери рава, по другую сторону стола от рава сидели родители Сэма — Джейкоб и Джулия. Им совсем не хотелось там быть. И остальным не хотелось. Все там было против желания. Раву нужно было измыслить какие-то глубокомысленно звучащие слова о некоем Ральфе Кремберге, которого в два часа предадут земле. Джейкоб предпочел бы работать над своей библией для «Вымирающего народа», или обшаривать дом в поисках пропавшего телефона, или на худой конец ползать по интернету, вызывая прилив дофамина. И еще сегодня Джулия собиралась взять выходной, вышло все наоборот.

— Разве Сэм не должен быть здесь? — спросил Джейкоб.

— Думаю, лучше, если сначала поговорят взрослые, — ответил рав Зингер.

— Сэм взрослый.

— Сэм *не* взрослый, — сказала Джулия.

— Оттого что трех стихов не доучил в благословении после благословения после гафтара?¹

Не обращая на Джейкоба внимания, Джулия положила ладонь на стол рава и сказала:

— Разумеется, огрызаться с учителем недопустимо, и нам нужно найти способ как-то все уладить.

— В то же время, — сказал Джейкоб, — может быть, отстранение — чересчур жесткая мера за не *такой* уж, по большому счету, серьезный проступок?

— Джейкоб...

— Что?

Стараясь что-то сказать мужу, но не раву, Джулия прижала два пальца ко лбу и слегка качнула головой, раздув ноздри. Сейчас она больше походила на помощника тренера у третьей базы, чем на жену, мать и члена общины, пытающуюся отвести океан от песочного замка ее сына.

— «Адас Израэль» — прогрессивная школа, — сказал рав, на что Джейкоботреагировал закатыванием глаз, равно задумчивым и брезгливым.

— У нас долгая и славная традиция видеть дальше культурных норм, господствующих сегодня или вчера, находить божественный свет, Ор Эйн Соф, в каждом ребенке. Расовые оскорбления для нас серьезный проступок, без сомнения.

¹ Гафта́ра (*ивр.*) — отрывок из Книги пророков, который в некоторых иудейских общинах читает посвящаемый во время мицвы.

— *Что?* — переспросила Джулия, меняя позу.

— Этого не может быть, — сказал Джейкоб.

Рав испустил долгий раввинский вздох и по столу подвинул Джулии листок бумаги.

— Он это *сказал*? — спросила Джулия.

— Написал.

— *Что* написал? — спросил Джейкоб.

Недоверчиво качая головой, Джулия ровным голосом прочла:

— Вшивый араб, китаеза, манда, япошка, педик, мекс, жид, слово на «н».

— Он написал «слово на „н”»? — вмешался Джейкоб. — Или само слово на «н»?

— Само слово, — ответил рав.

Хотя Джейкоба должны были занимать неприятности сына, его развлекло то обстоятельство, что только одно это слово не может быть произнесено.

— Тут, видимо, какое-то недоразумение, — проговорила Джулия, передавая наконец листок. — Сэм нянчится с животными до...

— *Цинциннатский галстук*? Это не расовое оскорбление. Это форма секса. По-моему. Кажется.

— Тут не только оскорбления, — пояснил рав.

— Знаете, я почти уверен, что и «вшивый араб» — это тоже форма секса.

— Мне остается только поверить вам на слово.

— Я к тому, что, может, мы вообще не так поняли этот список.

Вновь не слушая мужа, Джулия спросила:

— А что об этом говорит Сэм?

Рав запустил пальцы в бороду, выискивая слова, будто ма-кака, выискивающая блох.

— Он не признается. Категорически. Но до урока этих слов там не было, а за этим столом сидит только он.

— Это не Сэм, — сказал Джейкоб.

— Его почерк, — заметила Джулия.

— В тринадцать у всех мальчишек почерк одинаковый.

— Он не смог объяснить, как там оказался листок, — сказал рав.

— Он и не обязан, — заметил Джейкоб. — И кстати, если Сэм написал эти слова, то чего ради он оставил листок на столе? Дерзость доказывает его невиновность. Как в «Основном инстинкте».